

НЕДОПИСАННАЯ ИСТОРИЯ

ПСАМ ЖИЛОСЬ ЛУЧШЕ

Первые страницы истории села Крутец я прочитал в журнале «Работай и учись», который выходил в Пензе в двадцатых годах. Очерк Ефима Болотова «Ожившее село» был посвящен дореволюционному Крутцу, когда в нем хозяйничали сразу три помещика — Алексеев, Васильчиков и княгиня Голицына.

Княгиня отличалась крутым нравом, и местные жители сравнивали ее с самой Салтычихой. А Салтычиха знаменита тем, что замучила на смерть 139 крепостных крестьян. Даже правительство крепостников вынуждено было отдать ее под суд.

Голицына учла опыт своей предшественницы и действовала осмотрительнее. Она истязала людей более утонченными способами, заставляла их умирать медленной, а потому более мучительной смертью от нужды и голода. Официально на ее счету не числится ни одного загубленного человека, все, кто был под ее опекой, «волею божьей помер», но как много скрывалось за этой елейно-церковной! Недаром народ прозвал Голицыну «Солощиной».

Обманули крутцовских крестьян в 1861 году при проведении реформы по отмене крепостного права. Их освободили не только от телесных наказаний, но и от земли. «Солощица» схитрила, согласившись дать крестьянам землю бесплатно, как подарок. По действовавшему Положению, Голицына предоставила крестьянам лишь четвертую часть земельного надела, положенного по норме для Пензенского уезда. Остальную землю она сохранила за собой. Обманутые дарственники попали в такую кабалу, какой не знали раньше. Как образно заметил наш земляк поэт-демократ Николай Платонович Огарёв, двухвостный кнут заменили трехвостной плетью.

Ее сиятельство так хитроумно выделила крестьянам землю, что те были в пору от нее отказываться. Однако куда денешься? Так как дарственного надела для ведения хозяйства было недостаточно (122 десятины па 170 дворов), крестьяне вынуждены были прикупать землю у той же «Солощицы». И она драла с них втридорога за песок и камни, удаленные от села за десяток, а то и за два десятка верст. Драла не только деньгами, находила весьма выгодными отработки, когда крестьяне безвозмездно трудились па ее полях.

Следует заметить, что Крутцовские крестьяне в этом отношении не представляли исключения. У них не причиталось на двор и десятины, а вообще на Руси, по подсчетам Владимира Ильича Ленина в его статье «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России»,

на долю пяти миллионов маломощных крестьянских дворов (половина всего крестьянства) приходилось не более 1/2 десятины на двор. Пензенских крестьян, как и всех крестьян на Руси, душило малоземелье. В 1913 году на каждую мужскую душу (обратите внимание на взрослую мужскую душу!) полагалось 1,24 десятины, а шестая часть на пятьдесят тысяч крестьянских хозяйств - были вообще беспосевными.

Бросовые клочки земли, подаренные помещицей, были расположены далеко, а рядом с селом крутцовским крестьянам было теленка негде привязать, курицу со двора некуда выпустить. А если нарушишь помещичью собственность, - штраф. За все штраф. Даже ходить по своим полям барыня не разрешала ее егеря тщательно оберегали охотничьи загоны.

Владимир Ильич словно имел в виду жизнь крутцовских крестьян, когда писал: «Барин" не даст ни земли в аренду, ни проезда, ни водопоя, ни лугов, ни лесных материалов без того, чтобы крестьянин шел в кабалу. Поймают крестьянина на «незаконной» рубке леса и что же? Его избьют объездчики, черкесы и т. п., а потом «будут в Думе говорить пылкие речи о прогрессе нашего земледелия и о подражании Европе, этот Барин предлагает избитому мужику на выбор: или иди в тюрьму, или обработай, вспаши, засеи и убери две или три десятины! То же самое за потравы. То же за зимнюю ссуду хлеба. То же за луга или выгон и так далее без конца... Это — кабала мужика. Это — крепостническая эксплуатация миллионов обнищавшего крестьянства»...

Старожилы села Крутец и теперь еще помнят, как приходилось делать многоверстные объезды, чтобы попасть на свой загон или на ближайшую железнодорожную станцию. Однажды помещичьи холоуи - егеря и объездчики до полусмерти избили нагайками железнодорожника и гимназиста, которые шли в Крутец со станции Саловка, не подозревая, что местная барыня запретила ходить своими владениями. Пытались обиженные горожане жаловаться. Где там! Старая пословица мудро выражала бесправное положение простого человека: «С сильным не борись, с богатым не судись».

Крутцовские крестьяне порой даже подумать не могли, за что их может преследовать «Солощица». Она была неимоверно полной, весила, по крайней мере, восемь пудов и терпеть не могла, когда ей кто-либо заглядывал в лицо. Иной мужик и в мыслях ничего не имеет, ей же померещилось, что все над ней смеются, и лютовала по всякому поводу.

В большой дружбе «Солощица» жила только с егерями да собаками. Она очень любила охоту с борзыми. Бывало, съедутся в Князевку (это в двадцати километрах от Крутца, где располагался княжеский двор)

гости со всей губернии и гонят зверя по нескончаемым охотничьим угольям, принадлежавшим Голицыной.

Для охоты княгиня содержала псарню и конный завод. Один из старожилов Крутца Федор Венедиктович Максаков и ныне вспоминает, как он работал на псарне:

— Я был незаконнорожденным, земли мне не полагалось. Вот и пошел господских псов кормить и сам вокруг них кормился. На содержание пятидесяти псов ее сиятельство Анна Петровна денег не жалела. Бывало, сдохнет какая-нибудь из борзых, так княгиня памятник ставит стоимостью в три, а то и в пять тысяч рублей. Приезжавшие по ее вызову скульпторы высекали из камня точные портреты борзых. Мужики только затылки чесали, видя такую безрассудную трату денег. Федор Венедиктович считает, что княгиня и конный завод содержала не из коммерческих интересов, а ради потехи. Лесно ей было похвастаться перед гостями тем, что она знала по кличке каждого пса или лошадь, могла перечислить всю их родословную. А особенно лестно ей было от того, что ее рысаки на Московском ипподроме бежали.

Праздная, разгульная жизнь до добра не доводила. Муж Голицыной — помещик из Солощовки (отсюда и прозвище «Солощиха») делал крупные ставки на ипподроме, проигрывал большие деньги. Поехала княгиня как - то в Москву полюбопытствовать, чем занимается ее супруг, и с трудом разыскала его в цыганском таборе. Ревность взяла в ней верх, развелась с мужем и лютовать стала еще больше.

Мужикам мстила за свою неудачную семейную жизнь, но и они платили ей он же монетой. В первую русскую революцию пытались крестьяне разорить дворянское гнездо, захватить землю, но действовали несмело, с рабочими связи не установили, и «Солощиха» отделалась испугом. Зато в 917 году расплатились разом за все прошлые обиды: дворец в Князевке сожгли, а собачьи памятники сравняли с землей, чтобы не напоминали они о прошлой нищей и несправной крестьянской судьбе.

В Крутце живет немало людей почтенного возраста, которые хорошо помнят старое время и рассказывают о нем молодым. Как например старожилы села Федор Венедиктович Максаков, Прасковья Николаевна Мамина, Ефросинья Васильевна Де льнов а поделились своими воспоминаниями с читателя ми районной газеты «Трудовая честь».

Тесные крестьянские избышки с соломенными крышами и подслеповатыми окнами ютились по берегу небольшой извилистой речушки Крутец. Видимо, по речушке село когда-то и получило свое название.

Топились избы по-черному. Жили крестьяне скудно.

С темного до темного трудились на барских полях, а платила помещица по 7 копеек за целый день изнурительной работы. Вырастают крестьяне в Крутце зерно, картофель. Предприимчивый помещик Алексеев из

этого извлек выгоду—построил спирт завод и за бесценок скупал сырье.

Задавленный нуждой мужик стремился как можно меньше тратить, так как копейку взять было негде. На своем загоне он выращивал не только хлеб насущный, но и одежонку. Из конопли и льна изготовлял самотканую одежду, а обувь была единственная — лапти. И зерно на муку ухитрялись перемалывать вручную с помощью примитивных жерновов.

Губили людей болезни. В селе не было ни одного медицинского работника. От всех недугов исцеляли бабки - знахарки. Нынешней молодежи ничего не говорит название «Холерный дол», что раньше тянулся вдоль дороги на Саловку. А на стариков он до сих пор навевает тяжкие воспоминания. Сюда отправляли людей, заболевших холерой. И никто не возвращался из дола домой.

Для полноты картины следует сказать о просвещении. Жители Крутца были в более привилегированных условиях, чем в других селах: здесь была церковно - приходская школа, которая давала начальное образование. Единственный на все село учитель обучал в трех классах шестьдесят ребят. Большинство же крестьянских детей не имело возможности ходить в школу. Да и те, кто научился читать и писать, со временем забывали грамоту. В селе не было ни газет, ни книг, а доходы столь скудны, что их легко было подсчитать по пальцам без применения четырех правил арифметики.

ПО-НОВОМУ, НО ИЛЬИЧУ

Ничего веселого в этих воспоминаниях нет, но вспоминать надо, чтобы лучше понять и правильнее оценить перемены, происшедшие в жизни села за годы Советской власти. Старшее поколение, ныне уже передавшее революционную эстафету молодежи, начинало преобразовывать Россию по ленинским планам. В первые же годы после революции большие изменения произошли и в Крутце.

Первым председателем волостного Совета в Крутце был избран С. Е. Крутиков — коммунист с твердым, волевым характером. Трудно ему было проводить в жизнь директивы Советской власти. И хотя он опирался на ячейку коммунистов, комитет бедноты, а позднее и на комсомольскую ячейку, в которую входили пятнадцать молодых энтузиастов, каждую позицию у старого мира приходилось брать с боем.

Прежде всего, земля по ленинскому декрету была отобрана у помещиков и передана крестьянам. На каждого едока (включая мужчин и женщин, взрослых и детей) в Крутце пришлось две с половиной десятины. Теперь местным крестьянам было где

развернуться, и они горячо принялись за дело. С помощью кредитов, которые предоставляла Советская власть, крестьяне обзаводились лошадьми, коровами, сельскохозяйственным инвентарем. Возникла в селе и коммуна, куда вступили самые неимущие.

С созданием коммуны крутцовцы поторопились. Они не имели ни опыта, ни орудий и средств производства, которые позволяли бы перейти к высшей форме коллективного хозяйства. Одни из ветеранов, работавший некоторое время председателем совета коммуны, Сергей Иванович Ванюшкин вспоминает:

Вступая в коммуну, каждый вносил свой паевой взнос кто и что мог: лошадь, корову, инвентарь. Взносы были не очень-то велики, если учесть, что в общественном хозяйстве насчитывалось семь лошадей, два быка и четыре коровы. Коммунары обрабатывали восемьдесят гектаров земли. Работали сообща, доходы делили поровну, а жили и питались порознь. Коммуна набрала у государства много ссуд и не возвращала их. Председатель совета коммуны Александр Георгиевич Веденяпин видел, что коммуна никакой пользы государству не приносит, постепенно распадается и остановить этот распад он не мог. Как ни старались он и его товарищи, хозяйство просуществовало недолго. Тогда распалась не одна крутцовская коммуна, а и многие другие. Лишь некоторые, как «Возрождение» под Пензой, просуществовала долго и в период коллективизации стала сельскохозяйственной артелью.

В 1921 году на Крутец напала банда Антонова. Антоновцы казнили двух красноармейцев. Местные жители потом похоронили красных воинов в самом центре села.

А позднее их останки были перенесены на высокую кручу за селом, где протекает река Крутец. Это место видно издалека, когда едешь к Крутцу по дороге со станции Саловка или из районного центра Колышлея. В братских могилах, за которыми ухаживают местные жители, а школьники высаживают здесь цветы, похоронены и другие активные борцы за Советскую власть.

Крестьяне села Крутец всегда помогали Красной Армии, чем могли, и не случайно в годы гражданской войны здесь был создан военхоз, который снабжал продовольствием воинские части. Вместе с красноармейцами в военхозе работали местные жители. После гражданской войны с переводом Красной Армии на мирные рельсы и значительным ее сокращением, военхоз был ликвидирован. На этом месте и возник совхоз, который существует в настоящее время.

Совхоз начинал жизнь хилым и маломощным, имел всего несколько лошадей, десяток коров да три десятка свиней. В штат совхоза входило восемь работников, а в летнюю нору нанимались сезонники. Бывший управляющий отделением Иван Иванович Курышев и бывший бригадир

Андрей Васильевич Савосин рассказывают, что жили рабочие в первые годы небогато. У пяти семей были квартиры, а остальные ютились в землянках. Но люди верили в большое будущее совхоза.

В истории каждого промышленного или сельскохозяйственного предприятия есть важные даты, которые стоят памятными вехами на их пути. Такой вехой стал январь 1924 года, когда совхоз в селе Крутце получил свое имя. Сергей Иванович Ванюшкин, работавший тогда председателем сельского Совета, хорошо помнит, как проходило объединенное собрание коммунистов нескольких сел. Созвал это собрание заведующий совхозом (тогда руководителя совхоза так называли) Александр Иванович Кузнецов. Проходило оно в помещичьем доме, который сохранился до наших дней. В повестке дня был один вопрос - об увековечении памяти Владимира Ильича Ленина.

В Москве через Колонный зал Дома Союзов непрерывным потоком шел народ, прощаясь со своим великим вождем. А во глубине России, в обыкновенном селе Пензенского уезда, коммунисты думали над тем, как лучше выполнить заветы Владимира Ильича, завершись дело, которое он начал. Каждому он был самым дорогим человеком, между собой его называли по-родственному просто, ласково, любовно - наш Ильич. Вот почему и хозяйство свое решили назвать совхозом имени Ильича.

Новое название так всем пришлось по душе, что жители Крутца все реже зазывали село по-старому. Чаше они говорили о себе так: «Мы ильичевские».

На том же собрании коммунистов, где совхоз получил имя, было решено ходатайствовать о переименовании села Александровки, соседствовавшего с Крутцом, в село Ленино. Ходатайство было удовлетворено.

Благодаря мудрой ленинской политике деревня расправляла плечи и за какие-нибудь пять послевоенных лет заметно преобразилась. В Крутце на 286 дворов уже приходилось более двухсот лошадей, не считая молодняка, почти три сотни коров. До революции местные крестьяне кое-как ковыряли землю деревянной сохой, а теперь в их распоряжении было 386 плугов, 15 сеялок, 22 молотилки, 8 жаток и другой сельскохозяйственный инвентарь. Хотя и робко, но пробивалась на крестьянские поля элементарная агротехническая культура, а кое-кто из старательных хозяев уже заглядывал в журнал «Сам себе агроном». Крестьянам было с кого брать пример - совхоз вел все дела культурно. В свое время Владимир Ильич мечтал о том, чтобы на полях Советской страны работало сто тысяч тракторов, и вот в 1926 году появились первые три Форд зона на полях совхоза имени Ильича.

Для местных крестьян тракторы были не в диковинку. Старейший механизатор совхоза Иван Михайлович Кочетков рассказывает:

- Трактор мы впервые увидели в 1910 году. Помещик Алексеев решил тогда удивить соседей своей образованностью и прослыть культурным хозяином на европейский манер. Выписанный им трактор был громаден и еле добрался от станции Саловка до Крутца. Однако речушку возле села преодолеть не смог и крестьянам пришлось выручать его. Со всей округи собирали лошадей, чтобы вытащить эту махину на берег. А потом несколько дней ремонтировали, чтобы трактор мог продолжать путь своим ходом.

Фордзоны, которые получил совхоз, не идут в сравнение с современными марками тракторов, но они быстро завоевали авторитет у местных крестьян. Первыми трактористами в селе были Федор Зубов и Григорий Гордон. А спустя некоторое время в совхоз пришел и первый автомобиль отечественного производства АМО-3. Применение машин, их высокопроизводительная работа на совхозных полях сыграли не последнюю роль в агитации крестьян за переход к коллективным формам хозяйства.

Созданному в Крутце в 1929 году колхозу крестьяне тоже дали имя Ильича. Совхоз и сам был не богат, но на первых порах помогал молодому хозяйству, ведь у него было больше опыта и в организации производства, и в культуре земледелия. А со временем колхоз слился с совхозом, это было закономерным

ТАК РАБОТАЮТ ИЛЬИЧЕВЦЫ

И до войны и в послевоенные годы мне приходилось не раз бывать в совхозе имени Ильича. Он всегда числился в «середняках», и на нем легко проследить, как поднималось все наше сельскохозяйственное производство.

Вникните в цифры. Совхоз, как мы это видели, начинал на голом месте, а в 1940 году это было уже солидное хозяйство, имевшее около трехсот коров, свыше двух тысяч свиней. В течение года совхоз поставлял государству 1400 центнеров молока и 3000 центнеров мяса.

Внушительно выглядело хозяйство в то время, когда страна отмечала сороковую годовщину Октября. Его посевная площадь насчитывала пять тысяч гектаров и была явно тесна. Раньше совхоз и меньшую площадь не успевал обрабатывать, а теперь в его распоряжении было шестьдесят мощных тракторов, комбайнов, автомобилей.

На отшибе от села вырос животноводческий городок с обширными корпусами свинарников и коровником, в которых размещалось пятьсот коров и шесть тысяч свиней. На фермах постепенно внедрялась механизация. Сюда протянулись провода электричества, пролегли трубы водопровода, переплелись рельсы подвесной дороги для уборки навоза.

Механизация позволила поднять производительность труда. Если раньше свинарка ухаживала за сотней животных, то теперь за

двумястами. Корм задавали сухой из самокормушек, это способствовало повышению привесов животных. У свиноводки Евгении Гусевой среднесуточный привес откормочного поголовья был 450 граммов, а у Раисы Саморуковой - 540.

Высоких показателей добивались доярки. Александра Петровна Жернова за год получила свыше трех тысяч литров молока от каждой коровы. Всех удивил дояр Александр Корягин. Он доказал, что специальность доярки - это не монополия женщин. В 1957 году Александр участвовал в соревнованиях по скорости доения на областной сельскохозяйственной выставке и занял первое место.

Работать ильичевцы стали производительнее, зарабатывать больше, жить лучше. На сельских улицах появилось много новых домов. Их строили не только сами рабочие и специалисты, но и совхоз. В канун сорокалетия Октября он сдавал в эксплуатацию шестой дом. Среди других стали новоселами тракторист А. В. Алешин и шофер В. Н. Логашев. Был сделан подарок и всем жителям села - построена коммунальная баня.

Помнится, что свой газетный очерк об ильичевцах десять лет назад я заканчивал такими словами: «Вечер. На улицах загораются фонари уличного освещения. И в домах вспыхивают «лампочки Ильича». Светится яркими огнями каждый дом. И из каждого доносится музыка - это голос Москвы, позывные столицы «Широка страна моя родная...» У семейных очагов отдыхают труженики старейшего в нашей области совхоза».

С тех пор прошло десять лет. Не столь уж большой срок, но как изменился старый Крутец! На дальних подступах всматриваюсь в знакомый пейзаж и не узнаю его. Его изменили новостройки. Появились двухэтажные дома. Над крышами вырос частокол телевизионных антенн.

Но сначала о главном - о производственных делах. Ильичевцы в них преуспели. Совхоз теперь поменьше, одно из его отделений отошло от него, но сдаст он государству продукции намного больше, чем в былые годы.

Хозяйство теперь специализировалось на выращивании племенного крупного рогатого скота. В нем уже не одиннадцать коров, как в первые годы существования совхоза, не триста, как в предвоенном 1940 году, и не пятьсот, как десять лет тому назад, а 1838 голов, в том числе 683 дойных. Производство свинины перестало быть главной отраслью, но все равно занимает большое место - в хозяйстве около четырех тысяч свиней.

Со своих полей совхоз ежегодно собирает 80000 центнеров зерна, отправляет государству 4200 центнеров мяса и 13000 центнеров молока. Вот какими стали производственные масштабы ильичевцев! Производят они с каждым годом больше, а работать становится легче. На полях и фермах теперь работают 60 тракторов, 40 комбайнов, 28

автомашин. Как тут не посмеяться над заморской диковиной величиной с паровоз, которую выписывал помещик Алексеев из-за границы. Ныне на полях совхоза увидишь мощный трактор «К-700», заменяющий свыше двухсот лошадей.

Вместе с главным агрономом Виктором Караваевым мы собираемся проехать по полям. Старый-престарый газик, на который автоинспекция с великим трудом выдала номерные знаки, немного почихал и заглох, не успев тронуться с места. Виктор поднял капот, вынул какую-то деталь и направился в ремонтную мастерскую, успев бросить на ходу:

- Небольшая задержка. Надо подточить клапан. Минут через сорок поедем.

Я знал многих любителей «покрутить баранку», но очень редко увидишь такого шофера - дилетанта за ремонтом автомашины. Для агронома же казалось, это стало обычным, повседневным делом.

- Виктор, вы, видимо, по совместительству окончили и механический факультет?

- Окончил. Только не в институте, а в армии. Служить довелось в артиллерии. Водил тягач. Теперь у меня есть права и на машину, и на трактор, и на комбайн.

- Агрономии эти увлечения не мешают?

- Наоборот. Мы с механизаторами с полуслова понимаем друг друга.

Специалист с разносторонней подготовкой - это явление стало обычным для села. Невольно обращаешь внимание на то, что все специалисты очень молоды. В совхозе имени Ильича самым «пожилым» среди специалистов оказался директор Виктор Семенович Поляков, ему 32 года. А остальным? Главному агроному Виктору Дмитриевичу Караваеву - 27, главному зоотехнику Василию Семеновичу Ерохину - 30, главному ветеринарному врачу Александру Васильевичу Майорову - 29, главному инженеру Анатолию Петровичу Сидорову - 29, агроному-семеноводу Валентине Петровне Гришиной - 29, механику Юрию Алексеевичу Кочетову - 28, зоотехнику-селекционеру Марии Ивановне Сергеевой - 30, а зоотехнику отделения Анне Сураевой еще нет и двадцати. Почти все эти люди окончили Пензенский сельскохозяйственный институт и лишь некоторые — техникумы. И вот у них, молодых, все главные нити управления большим хозяйством.

С одним из таких специалистов мы и отправились знакомиться с полями. Виктор работал в «Ильиче», как все здесь ласково называют свой совхоз, недавно, до этого он был управляющим отделением в «Пятилетке», но и на новом месте в качестве главного агронома чувствовал себя уверенно. На этих полях он провел толь ко одну весну, а знал их отлично.

Поражали дороги: на какое бы поле ни свернули, они были удивительно прямыми и гладкими. Сеять уже заканчивали, шла

обработка посевов, вывозили навоз на паровые поля, машины и лошади то и дело сновали по дорогам, но ни одна из них не была разбита. Видно здесь следили за состоянием дорог. Виктор Караваев на вопрос, к то ухаживает за дорогами, предпочел отшутиться :

Видите ли, у машины директора совхоза и у моего газика нет амортизаторов. Нам по плохим дорогам нельзя ездить. Вот мы и нашли выход из положения - содержать их в порядке.

Главному агроному нельзя было отказать в чувстве юмора. Впрочем, к юмору склонны все люди, у которых хорошо идут дела. Караваев подъезжал почти к каждому работающему агрегату, беседовал с людьми мягко, выяснял их нужды, давал советы и уезжал незамеченным, без традиционной «накачки» и набивших оскомину призывов: «А ну, давай нажимай!» Очень уж будничной выглядела его поездка. Но, если вдуматься, то к чему шум, помпезность, ведь он не парад победителей принимал, а помогал людям, у которых не всегда все задалось. Повстречав на дороге походную ремонтную мастерскую, Караваев изменяет ее маршрут, говорит, кто из механизаторов нуждается в неотложной помощи.

На одном из участков мы повстречали механизаторов, которые склонились над рядками только что посеянной кукурузы и ладонями разгребали землю. Агроном знал, над чем они ворожат, но все же шутливо спросил: Или на золотую жилу напали?

И ему отвечали шуткой:

- Угадали, Виктор Дмитриевич. Ожерелье рассыпали, и никак драгоценные камешки не найдем.

- А может быть, вам показалось, их и не было камней-то.

Но кто-то уже кричит торжествующим голосом:

- А вот они, голубчики, куда спрятались, лежат себе и помалкивают.

Показав на ладони три кукурузных зернышка, механизатор опять закапывает их в землю. Так были раскопаны зерна в десяти рядках и во всех они лежали там, где им положено лежать.

Чем объяснить, что механизаторы так старательно определяли расположение гнезд с кукурузными зернами, строже любого агронома контролировали свою работу? От этого зависит их заработок. Когда появятся всходы и будет проведена первая обработка, станет ясно, получились ли точные квадраты, можно ли обрабатывать посевы в обоих направлениях. Если - да, то трактористу и севцу начислят дополнительно к заработку пятьдесят процентов. Вот люди и проверяют лишний раз, на место ли уложены зернышки? Это был очень убедительный пример действенности материального стимула.

Владимир Павлович Мамин, довольный результатами проверки, шагал к своему трактору. Такие Люди, как он - главная сила в совхозе. Здесь он родился, вырос, окончил школу, стал механизатором широкого профиля. О кулаке и частной собственности, а тем более о «Солощихе» он знает только по учебникам истории да по рассказам стариков-

односельчан. Он знает с детства, что жизнь его семьи, а, значит, и его благополучие, зависели от положения дел в совхозе. Вот почему он всегда старался работать лучше. Ленинскую идею соревнования он впитал с молоком матери и избрал своим девизом крылатые слова:

«Если быть, то быть лучшим!».

Пятнадцать лет водит Владимир Павлович трактор и чувствует себя хозяином бескрайних полей. Это чувство он перенял у своего учителя - Ивана Михайловича Кочеткова, который подружил его с трактором, передал свое мастерство. Сейчас Иван Михайлович пенсионер, но внимательно следит за делами в совхозе и доволен ими: трудовая эстафета передана в надежные руки.

Придет время, и Владимир Мамин пойдет отдыхать, и ему придется сдавать трудовую вахту. Ее примут такие молодцы, как Николай Рудаков, который только недавно посвящен в механизаторы. Николай еще не служил в армии, трактор водит первый сезон, но уже работает на соседней загонке с Маминым и тоже сеет кукурузу - эту работу доверяют не каждому. Когда Владимир Павлович останавливает трактор, вылезает из кабины и начинает «ворожить» над «драгоценными камушками», Николай делает в точности так же. Так перенимается мастерство и вырастает достойная смена.

Вот они - поля, возделанные руками мастеров. На бескрайних просторах увидишь только два цвета - зеленый и черный, это дружные всходы хлебов и земля, подготовленная для посева. И в разных направлениях пролегли, как стрелы на чертеже, полевые дороги. В былые годы такие точно расчерченные и отграниченные квадраты и прямоугольники увидишь только в иллюминатор воздушного корабля: дальность скрадывала неточности и огрехи, и поля казались идеальными. А на самом деле, бывало, увидишь гектар или два не дотянувшими и говоришь механизаторам или бригадиру, а они и в ус не дуют: подумаешь, огрех, стоит из-за такого пустяка гнать в дальнее поле трактор.

Теперь подобное явление немыслимо. В последнее время получил широкое распространение термин оформление полей. Специальная комиссия принимает поля и оценивает не только то, как возделана земля, но и как выглядят границы участков, дороги. Термин «оформление полей» тут даже и не совсем подходит, он кажется казенным, более подходящим было бы сказать об эстетике полей, потому что люди заботятся и о высоком урожае и о красоте земли, которую возделывают. Как, и в любом другом производстве, здесь успех решают наука и техника. Владимир Ильич мечтал о ста тысячах тракторов, а сейчас их счет ведется на миллионы. Ранней весной над совхозными полями можно видеть самолеты, за которыми тянется длинный белый шлейф. Минувшей весной так была внесена подкормка на площади две с половиной тысячи гектаров. Это дает прибавку в урожае до двух-трех

центнеров зерна на гектаре. Совхоз находит применение авиации весьма выгодным. Затраты возвращаются с десятикратным увеличением. Эту выгоду «раскусили» также в совхозах «Октябрьская революция», «Пятилетка». Над их полями весной тоже кружат самолеты. И здесь на сто рублей затрат — тысяча рублей выгоды. Проезжая участком, где росла пшеница, мы повстречали группу студентов сельскохозяйственного института, которые пололи посевы. Это опытный участок кандидата сельскохозяйственных наук Ивана Захаровича Сынзыныса, проверяющего в производственных условиях влияние на урожайность сроков и способов сева, обработки, различных удобрений, предшественников и т. п. Работники совхоза подшучивают над ученым:

— Вот и на наших полях вырастет докторская диссертация.

А комбайнеры и поругивают Ивана Захаровича. Участок не столь уж велик - четырнадцать гектаров, но на нем более ста делянок с различными вариантами опыта, масса колышков с указателями, которые мешают убирать хлеб. Да и не развернешься на этих клочках. Но люди все же мирятся: наука требует жертв.

Медленно движется вперед производство зерна. Темпы этого производства не сравнишь с промышленным развитием. Покорять природу куда труднее, чем налечь всем миром на какую-нибудь отрасль индустрии и за год или за несколько лет резко поднять ее.

Но посмотрим, о чем рассказывают некоторые любопытные цифры из блокнота бывшего секретаря парткома, ныне персонального пенсионера Марии Ивановны Морозовой. За двадцать лет после 1940 года урожайность зерна только два раза превышала десять центнеров. А начиная с 1960 года, она ни разу не была ниже десяти центнеров. Эти цифры наводят на глубокие размышления. За ними — годы напряженного труда земледельцев и ученых, которые настойчиво идут к своей цели. А от полеводов зависит и развитие животноводства. Об этом можно судить хотя бы потому, что совхоз за последние годы в несколько раз увеличил производство и сдачу мяса и молока. Среди работников, занятых в этой отрасли, появились замечательные мастера, награжденные орденами и медалями. Это и пожилые люди, как Наталья Васильевна Дельнова проработавшая на свиарнике почти сорок лет и ныне ушедшая на пенсию, и Зоя Ивановна Давыдова, работающая дояркой не полных десять лет. Высшей награды—ордена Ленина удостоена свиарка Мария Федоровна Киреева, которая встала на вахту в военном 1943 году и из года в год добивается высоких показателей. Все эти люди разных возрастов, и молодежь, принимающая вахту от старших, старается приумножить уже достигнутые успехи.

Присмотритесь внимательнее к труду молодых свиарок Вали Зотовой, Нины Хитровой, Веры Коньковой. Не скажешь об их рабочем месте «грязно, как в свиарнике». Пол вымыт, станки побелены, на всем лежит печать опрятности. Недаром девушки во всем берут пример со

своей старшей подруги - орденоноски М. Ф. Киреевой. И производственный показатель их приближается к тому, какой у опытной свинарки - отъемный вес поросят 4 - 16 килограммов. Животноводы то ли в шутку, то ли всерьез называют девушек кандидатами в мастера.

ТАК ЖИВУТ ИЛЬИЧЕВЦЫ

Хорошо трудятся ильичевцы. А как они живут? Ведь первые труженики, когда совхоз еще не носил имени Ильича, жили в землянках. Пять землянок па весь совхоз. Сейчас у него 72 жилых дома. В центре села, несколько отделяясь от улицы, выросло недавно пять двухэтажных домов. Здесь справили новоселье сорок семей. Заглянем в одну из квартир. В любую, наугад. Вот женщина развешивает на улице белье. Просим проводить в ее квартиру. В обширной комнате беспорядок, связанный с большой стиркой. Как-то неуютно и нет охоты завязывать беседу.

Вы же хотели посмотреть квартиру, говорит хозяйка - Пройдите наверх.

Во т в чем дело! Оказывается, мы находились в прихожей, а зал и спальня расположены на втором этаже. Они обставлены современной мебелью, в них чистота и уют. У хозяйки сегодня выходной день. Она работает свинаркой. Муж - трактористом. В летнее время, когда в поле горячая нора, у супругов Столяровых выходной день не совпадает. У всех такие квартиры?

В двух домах планировка иная, - отвечает Мария Васильевна. А вообще квартиры выделяют в зависимости от количества членов семьи - две или три комнаты, не считая кухни.

Напротив окон небольшие огороды - огурчики, зеленый лук, укроп. Это по традиции, не бежать же за этим добром в поле, а овощных рынков в селах пока нет. Огородики не портят вида улицы, а вот погреба и сараи с соломенными крышами никак не гармонируют с новыми домами. Мы не против погребов и сараев, но почему каждый строит их на свой манер. Почему не помогли застройщикам покрыть эти сооружения шифером или толем, чтобы солома не портила вида. Какое разительное несоответствие: эстетика в поле и безвкусица в селе!

Обращаешь внимание и на такое явление. В селе много телевизоров, свыше сотни. Но почему над новыми восьми квартирными домами торчат восемь телевизионных антенн? У каждого персональная антенна! Старые привычки следовало бы оставить за порогом нового дома.

Побывали мы и в старых домах. Вот сидит на крылечке пожилой мужчина, читает газету. Знакомимся.

- Петр Михайлович Лисовол, пенсионер, — представляется он. Петр Михайлович зазывает в дом, хлопчет о чае.

- Самовар уже давно не держим, по-городскому, из чайника.

Включив электроплитку, Петр Михайлович поставил на нее чайник и продолжил свою мысль о пользе цивилизации.

- Удобно, конечно. Ни копоти, ни грязи. И быстрее, чем на тагане. А на газе еще быстрее. Не слышно там, когда у нас газ будет? В «Пятилетке» вон почти все квартиры с газом. Да и центральное отопление лучше, никакого мусора. А у нас ведь безлесье, кто дровами топил, кто углем, а иные и киззяками...

Но вот поспел чай, на столе появился белый хлеб, сахар, мед, конфеты, яички, масло. Хлебосольный хозяин потчует гостей и рассказывает свою родословную. У него интересная судьба. Оказывается, он украинец, с Полтавщины. В Пензенские края приехал еще до революции. Бежал из Малороссии, где все земли прибрал к рукам помещик Терещенко, и поселился в Великороссии, где хозяйничала Голицына. Переселился не один Лисовол. В Колышлейском районе многие носят украинские фамилии. Здесь есть даже целые села с украинскими названиями. До революции они бедствовали вместе с русскими. А с победой Октября получили землю наравне с коренными жителями. В места, где родились, возвращаться не захотели. Поженились, повыходили замуж за русских. У одних дети называли себя русскими, у других - украинцами, не все ли равно - все советские! Петр Михайлович и сам точно не знает, кто из его четверых детей и четырнадцати внуков пишется русским, а кто - украинцем. Важно, что все они трудолюбивые люди.

На огонек забежала старшая дочь Таисия. Она живет своей семьей. Коммунистка. В войну, когда в совхозе мало осталось мужчин, стала трактористкой, сейчас бригадир животноводческой фермы. Очень энергичная женщина, все время куда-то торопится.

Папа, говорят, вы завтра картофель собираетесь сажать? Во сколько? Забегу помочь.

Через несколько минут зашел младший сын Павел, тракторист. И у него тот же вопрос и такое же предложение. И такое же почтительное обращение к родителю - папа вы, что характерно для украинцев и белорусов.

Петр Михайлович добавляет в вазу Мед, наливает детям чай. Мед у него свой. С тех пор, как ушел на пенсию, обзавелся семьей ульями пчел. Живет в достатке. Государство выплачивает ему пенсию 55 рублей. Старый Лисовол — выходец из Украины, проживший почти всю жизнь среди русских, доволен своей судьбой и судьбой своих детей и внуков. Он на себе познал, что такое дружба людей разных национальностей. Лисовол всегда помнил, что укрепление дружбы народов - один из главных заветов Ленина.

К ветеранам в совхозе относятся с уважением. Вот как рассказывает о себе механизатор Алексей Андреевич Калачев:

- Тридцать пять лет я имею дело с техникой. Живу хорошо. Мой заработок позволяет в достатке жить семье из семи человек. Совхоз выделял мне добрую квартиру. За последние годы я семь раз был в лучших здравницах страны. Пять путевок мне выдавали бесплатно, а остальные - на льготных условиях. Кавказ и Крым я изучил не хуже своего района.

Только за один год более двадцати ильичевцев поправили свое здоровье в санаториях и домах отдыха, семьдесят совхозных ребятишек отдохнули по путевкам профсоюза в пионерском лагере «Хопер».

С каждым годом зажиточнее, культурнее живут труженики совхоза. Облик Крутца изменили и новые, более просторные дома, и частокол телевизионных антенн на небосклоне, и провода электричества и радио, забежавшие в каждый дом, и водоразборные колонки посреди улицы. В современный пейзаж села хорошо вписываются и клуб, и библиотека, в которой 7000 книг и 360 читателей, и почтовое отделение, доставляющее в каждую семью три газеты и два журнала, и детские ясли, и амбулатория, и филиал комбината бытового обслуживания, помогающий жителям села красиво одеваться.

Продолжим хронику, состоящую из цифр и фактов, которая поможет полнее представить жизнь современного Крутца. В селе четыре специализированных магазина. У местных жителей большой спрос на мотоциклы, холодильники, швейные машины, современную мебель. Уже перевалило за сотню количество телевизоров, почти столько же мотоциклов, а велосипедов столько, сколько юношей и девушек в каждой семье: трое молодых людей - значит три велосипеда.

Построены пекарня, отличная столовая, гостиница.

Обзаводиться новым жильем, справлять обновки позволяют хорошие заработки. Мы попросили в бухгалтерии справку о заработной плате рядовых работников разных специальностей. Оказалось, что, например, регулировщик топлива Валентин Ануфриевич Гордон и его жена Валентина Егоровна, работающая свиаркой, за год получили 2703 рубля. У них двое детей. В среднем на каждого члена семьи приходится 675 рублей. Кузнец Дмитрий Федорович Лункин, его жена - работница полеводства Мария Федоровна за год получили 2725 рублей. В семье у них пять человек. Заработок работника полеводства Ивана Сергеевича Демьянова и его жены, свиарки Александры Ивановны, имеющих двух детей, составил 2233 рубля.

Мы взяли три обычных, далеко не самых высокооплачиваемых семьи. Надо иметь в виду, что эти семьи, как и другие в совхозе, имеют подсобные хозяйства - приусадебный участок, корову, поросят, птицу. Таким образом, молоко, мясо, картофель, овощи, яички они не покупают. По крайней мере, половину заработка, а может быть, и более они тратят на обновки. В некоторых семьях молодежь откладывает деньги на приобретение легковых автомобилей. Они уже появились в селе.

В нашей хронике нельзя забыть о школе. Но здание уже не удовлетворяет: мало оно и старо. Для 360 учащихся пора построить типовое здание. Возможно, есть смысл иметь здесь не восьмилетнюю, а среднюю школу. В Телегинской средней школе целые группы старшеклассников укомплектованы ребятами из Крутца. Когда-то в селе был один учитель, а теперь - двадцать. Десять тысяч человек окончили неполную среднюю, тысяча человек среднюю школу за годы Советской власти. Сто стали специалистами высшей квалификации.

Молодежь теперь уже не так торопится выехать из села, как бывало. Во-первых, труд в сельскохозяйственном производстве все больше становится разновидностью индустриального труда. Во-вторых, и культура села подтягивается к уровню городской. Видимость телепередач здесь отличная. Кино в клубе не бывает только по вторникам. Свои способности можно совершенствовать в клубных кружках художественной самодеятельности, где есть духовой и домровый оркестры, танцевальная труппа, драматический коллектив.

Академическая капелла совхоза, в которой свыше пятидесяти певцов, участвовала в зональном концерте Всероссийского смотра художественной самодеятельности и удостоена почетного диплома.

Молодые ильичевцы преуспевают и на спортивном поприще. К ним приезжают юноши и девушки из соседних совхозов состязаться на футбольном поле, на волейбольной площадке. Вот тут и подумаешь, стоит ли уезжать из родного села? Как гласит народная мудрость: «От добра добра не ищут».

В юбилейном году, когда отмечалось пятидесятилетие Великого Октября, ильичевцы заложили в центре села парк. Перегородили главную улицу забором и высадили на всю ее ширину деревья.

Оставили только место для тротуара, а машины и повозки ездят за домами. Вначале было непривычно, а теперь все видят, что правильно сделали: на улице не стало пыли, не надо беспокоиться за ребятшек. Скоро будут в центре села тенистые аллеи парка.

И на полевых станах заложены парки. Деревья уже принялись, покрылись густой листвой, и каждый стан стал своеобразным оазисом. Ведь в Колышлейском районе нет лесов.

Парки в центре села и на полевых станах заложены по инициативе секретаря парткома совхоза Александра Петровича Синельникова. Это человек неумной энергии. Он руководит крупной партийной организацией, обеспечивая авангардную роль коммунистов на производстве. Он и дирижер в хоровой капелле, и лидер нападения на волейбольной площадке, и центральный защитник в футбольной команде. Он всегда в окружении молодежи.

Может быть, иной ответственный работник сделает кислую физиономию, услышав, что в «Ильиче» секретарь парткома поет в хоре и играет в футбол. Но секретарь правильно себя ведет: он выращивает

молодые деревца и молодых коммунистов. Да и сам учится, чтобы не отставать от жизни. Заканчивает Высшую партийную школу. Совхоз имени Ильича тоже стал своеобразной высшей школой хозяйственников. Молодые специалисты как бы проходят в старейшем совхозе производственную практику и едут на руководящую работу в другие хозяйства. Директорами совхозов стали В. И. Шубин, Г. В. Дручков, Г. И. Гринь, И. В. Оськин, Б. П. Наумов, председателем колхоза - Н. М. Усков, секретарем райкома партии - Н. В. Лагуткин, В. Г. Караваев. Все они с гордостью называют себя ильичевцами. Куда бы ни забросила судьба ильичевца, он всегда дорожит честью родного села, своего совхоза. Вот едет по дороге человек в голубом «Запорожце». Прохожие с уважением смотрят ему вслед. Это учитель - коммунист Василий Иванович Якунин. В суровые военные годы он командовал танковой ротой, под украинским городом Станиславлем подбил пять фашистских танков, был дважды тяжело ранен и выжил всем чертям назло.

Четверть века назад на полях сражений коммунист Якунин всем своим поведением доказал, что он по - праву принадлежит к славному коллективу ильичевцев. Перед ним - инвалидом Великой Отечественной войны односельчане почтительно снимают шапки. Ныне он преподает историю. Он учит молодое поколение села быть верным традициям ильичевцев.

Когда - то коммунист Александр Иванович Кузнецов написал первые страницы истории совхоза. Каждое новое поколение ильичевцев пишет свои страницы сельской летописи. Она не окончена. Ее пишет и нынешнее поколение, прославляя подвиг своих современников. Ее передадут как эстафету будущим поколениям.